

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАРЖАВИНЪ

род. 1745, ум. 1812.

О Федорѣ Васильевичѣ Каржавинѣ не имѣется почти никакихъ печатныхъ свѣдѣній; имя его встрѣчается въ книжныхъ каталогахъ, потому что онъ напечаталъ нѣсколько сочиненій и переводовъ, да въ „Исторіи Троицко-Лаврской семинаріи“—С. Смирнова, въ числѣ преподавателей, упоминается Федоръ Каржавинъ, коллежскій актiаріусъ, какъ преподаватель французскаго языка въ 1767—1768 гг. Сочиненія Каржавина прошли незамѣтно; онъ не попалъ ни въ одинъ „Словарь Русскихъ писателей“, да онъ и самъ, какъ видно, не придавалъ имъ особаго значенія; онъ вообще мало говоритъ о нихъ въ письмахъ къ женѣ, отцу и другимъ лицамъ и если позволяетъ себѣ прихвастнуть иногда, такъ это тѣмъ, что онъ человѣкъ бывалый, много видѣвшій на своемъ вѣку. „Я объѣхалъ $\frac{3}{4}$ свѣта,— пишетъ онъ своему отцу,—знаю гдѣ 5-я часть свѣта, вамъ еще неизвѣстная; я прошелъ сквозь огонь, воду и землю“.

Сочиненія свои Ф. В. Каржавинъ подписываетъ то псевдонимомъ „Русскій Американецъ“, то „бывшій переводчикъ на Мартиниѣ“ и т. п.; и точно жизнь его, съ ранней молодости до 45-ти лѣтъ, полна самыхъ разнообразныхъ приключеній. Гордится онъ также тѣмъ, что въ теченіе всей своей жизни не искалъ ни чьей милости: „пусть ищутъ милости тѣ, кто того недостойны,—писалъ онъ въ томъ же письмѣ,—я же заслужилъ своимъ достоинствомъ, своими трудами, своею наукою“. Дѣйствительно, съ нравственной стороны личность Каржавина интересна по оригинальности нравственнаго склада вообще и своеобразности убѣжденій, которыя онъ не только усвоилъ, но и проводилъ въ жизни, хотя онѣ часто шли въ разрѣзъ съ понятіями окружавшей его среды, борьба съ которой подъ-часъ тяжело на немъ отзывалась.

Помѣщаемая автобіографическая записка знакомитъ съ внѣшней фактической стороною жизни О. В. Каржавина и похождениями его въ старомъ и новомъ свѣтѣ.¹⁾ Вслѣдъ за этой запиской мы постараемся обрисовать нѣкоторыя стороны его жизни, возстановивъ по письмамъ его и другимъ документамъ наиболѣе типичныя черты ея.

Н. П. Дуровъ.

I.

Записка О. В. Каржавина о своей жизни.

(1788 г.)

„Родился я въ Санктпетербургѣ, 20-го генваря 1745 г., отъ купца 1-й гильдіи Василя Каржавина, который началъ учить меня самъ на 6-мъ году російской и латинской грамотѣ, также географіи и вродя въ мнѣ охоту къ наукамъ; вслѣдствіе чего въ 1752 г. онъ повезъ меня съ собою черезъ Пруссію въ Данцигъ, а оттуда въ Лондонъ, изъ котораго города переслалъ мени въ Парижъ,²⁾ гдѣ вступилъ въ университетъ въ 1755 г., опредѣленъ студентомъ здѣшней иностранной коллегіи въ 1760 г. и продолжалъ ученіе свое, служа при Російскихъ посольствахъ до 1765 года; въ которое время возвращень въ Россію и, убѣжденный отцемъ моимъ, получилъ въ 1766 г. увольненіе отъ оной коллегіи вовсе, съ чиномъ коллежскаго актиаріуса, но какъ желаніе отца моего, при увольненіи моемъ изъ коллегіи, было такое, чтобы сдѣлать меня купцомъ, а чинъ офицерской не позволялъ уже мнѣ быть таковымъ, того ради старался я сдѣлать себя полезнымъ, по знанію моему, при тогдашнемъ архимандритѣ, нынѣшнемъ московскомъ митрополитѣ, Платонѣ, и жилъ въ Троицкой Лаврской семинаріи учителемъ два года (съ 1767 по 1769). Черезъ которое время я изъ учениковъ своихъ приготовилъ многихъ къ должности учителей французскаго языка по разнымъ російскимъ епархіямъ, такъ что съ 1769 г. должно считать начало преподаванія французскаго языка въ Великоросійскихъ духовныхъ училищахъ. Но какъ при семинаріяхъ офицеру награжденіе получить трудно, то на концѣ упомянутаго 1769 года, по требованію г-на оберъ-архитектора артилеріи капитана, что нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василя Ивановича Баженова,³⁾ принять я въ вѣдомство Кремлевской экспедиціи архитекторскимъ помощникомъ второго класса; т. е. въ чинѣ подпоручика, и разныя должности, на меня возложенныя, исполнялъ ко удовольствію начальниковъ моихъ. Между тѣмъ, какъ въ

1771 годѣ случилась въ университетѣ вакансія на мѣсто французскаго учителя высшаго класса по смерти француза де-Лави⁴⁾ и публикованъ былъ конкурсъ, на который много Французовъ явилось, а ни единый Русскій не смѣлъ показаться; я же, узнавъ о томъ, явился въ конференцію, выдержалъ экзаменъ и получилъ верхъ надъ всѣми кандидатами; но какъ двухъ должностей исполнять не могъ, то университетъ наградилъ меня привилегіей на содержаніе публичной школы.⁵⁾ Въ 1773 году, по слабости здоровья моего, уволенъ я до выздоровленія моего отъ экспедиціи съ одобрительнымъ аттестатомъ и для повышенія чина отправился вторично на своемъ изживеніи въ Европу съ паспортомъ, даннымъ мнѣ отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюня.⁶⁾ 15-го августа пріѣхалъ я въ Амстердамъ, гдѣ исправилъ комисію, данную мнѣ отъ господина Демидова,⁷⁾ въ разсужденіи внука его Кириллы Станиславскаго, посланнаго со мною къ профессору Аламану и большого собранія натуральныхъ російскихъ и сибирскихъ рѣдкостей, повѣреннаго мнѣ для кунсткамеры принца Оранжскаго. Получивъ награжденіе г-на Демидова черезъ купца Іовія, въ октябрѣ (1773 г.) поѣхалъ изъ Амстердама сухимъ путемъ черезъ Голландію и Фландрію; пріѣхалъ въ 10 дней въ Парижъ; тутъ, проживши нѣкоторое время, препровождая оное въ слушаніи разныхъ курсовъ, принадлежащихъ до медицинской и физической науки, нашелъ я себя лишеннымъ вовсе надежды возвратиться въ Россію, по причинѣ родительскаго ко мнѣ неблаговоленія и вздумалъ суровость жребія своего умягчить женитьбою въ началѣ 1774 года; но и въ брачномъ состояніи не нашелъ я истиннаго спокойствія; ибо вскорѣ узналъ, что расходы умножились по мѣрѣ нуждъ, а законы тогдашніе, во угожденіе уроженцамъ, пресѣкали мнѣ, иностранному человѣку, живущему въ вѣдомствѣ російскаго министра, полученіе доходовъ по гражданской линіи: того ради забравъ заранѣе остатки моего капитала, пристроилъ я жену къ мѣсту, къ воспитанію и ученію благородныхъ дѣтей,⁸⁾ а самъ съ французскимъ паспортомъ поѣхалъ, въ сентябрѣ 1776 года, на французской островъ Мартинику,⁹⁾ куда прибылъ благополучно въ 36 дней и, посредствомъ рекомендательныхъ писемъ изъ Парижа, вступилъ въ одно училище (въ г. св. Петра) помощникомъ,—дабы денегъ напрасно въ трактирѣ не проѣсть. Скоро я сталъ извѣстенъ всему дворянству; товары свои, состоящіе въ отиѣнныхъ книгахъ, картинахъ и рѣдкостяхъ, продалъ съ удовольствіемъ и, желая удвоить свой капиталъ, по тогдашнимъ критическимъ обстоятельствамъ ново-англицкою торговлею, вступилъ я въ товарищество съ однимъ креоломъ (M-r Lasserre), отправляющимъ большое судно въ Америку; положилъ въ него свою

сумму и самъ на ономъ суднѣ поѣхалъ. Въ 13-е число апрѣля 1777 года, съ даннымъ оному судну паспортомъ отъ адмиралтейства яко бы на французскій островъ Микелонъ, что въ заливѣ св. Лаврентія, дабы намъ способнѣе было вдоль американскихъ береговъ ѣхать безъ подозрѣнія Англичанъ, имѣвшихъ уже тогда войну съ своими колонистами. Разныя обстоятельства по военнымъ страхамъ принудили насъ къ перепутію на островъ Порторико, подлѣ котораго англійскій фрегатъ осматривалъ насъ, паспортъ и товары съ подозрѣніемъ, послѣ чего мы были поневолѣ въ сраженіи между однимъ англичкиимъ каперомъ, гдѣ и боть свой мы потеряли. Наконецъ у самыхъ береговъ Виргинскихъ королевскій англійскій фрегатъ насъ взялъ и повелъ было въ свой портъ Галифаксъ, но удалось намъ отъ него, въ густомъ туманѣ, уйти и въ Виргинію безъ вреда, по 26-ти дневномъ плаваніи въ томъ же туманѣ, въѣхать. Въ Виргиніи (1778 г.), разѣзжая по разнымъ рѣкамъ, (мы) торговали въ селеніяхъ и городахъ около 22-хъ мѣсяцевъ,¹⁰⁾ и наконецъ, при самомъ выѣздѣ изъ Виргиніи, въ февралѣ 1779 года, съ богатымъ грузомъ, Англичане наѣхали на нашъ корабль, людей нашихъ высадили надъ мелью на ледъ, недалеко отъ береговъ, а корабль и на немъ мое имѣніе, на что была вся моя надежда, повели въ Новый Юркъ. Однако, думая сыскать помощь въ Бостонѣ, исполненъ русскимъ не унывающимъ духомъ, къ удивленію всѣхъ знакомыхъ, пустился я пѣшій въ путь съ сумою на плечахъ, питаюсь солдатскимъ казеннымъ хлѣбомъ по билету, яко военно-плѣнникъ пострадавшій отъ Англичанъ, и дошелъ въ 23 дни съ паспортомъ министра и консулей французскихъ до Бостона, гдѣ пробылъ только 2-е сутокъ, и не заставъ того мартиниканца, отъ коего я надѣялся получить помощь, возвратился я въ 19-ть дней въ Филадельфію, претерпѣвъ величайшую нужду, бывъ два дни слѣпъ отъ преломленія солнечныхъ лучей на снѣгомъ покрытыхъ поляхъ и въ опасности какъ отъ Англичанъ, такъ и отъ самихъ Американцевъ, которые меня почли шпиономъ на заставахъ, потому что я весьма малое время пробылъ въ Бостонѣ, имѣлъ на себѣ пакеты письменные какъ изъ Филадельфіи въ Бостонъ, такъ и изъ Бостона въ Филадельфію, и шелъ я не по большой фурманной дорогѣ, но по линіи, раздѣляющей ихъ отъ непріятеля, и съвозъ Вашингтонову армію.

„По возвращеніи моемъ въ Виргинію, 29-годня апрѣля (1779 г.), дѣла принудили меня на утро идти въ Сѣверную Каролину, откуда успѣлъ возвратиться въ столицу Виргинскую, къ тому времени какъ Англичане, подъ предводительствомъ Гадриджа, прибыли въ Шесназову губу и поднялись по всѣмъ рѣкамъ на грабежъ и разореніе. Въ оной столицѣ французскому купцу Венелю помогалъ я отвезти водою товаръ

въ дальніе лѣса, гдѣ мы скрывались до тѣхъ поръ, пока уѣхалъ непріатель; тогда возвратились и мы въ столицу, гдѣ я жилъ при лавкѣ онаго купца, отлучаясь только для разноса мелочнаго товару по лѣсамъ, какъ для его, такъ и для моей пользы, и въ оноу промышлѣ въ 8 мѣсяцевъ я нажилъ до 3,000 рублей бумажныхъ, которые я въ Россію вывезъ яко монументъ общаго банкротства американскаго неосновательнаго и безвластнаго правленія. 1780 года января въ 25-й день, по рекомендаціи и съ паспортомъ французскаго консула, сѣлъ я на 74-хъ пушечный французскій корабль въ маломъ Іоркѣ, и въ 20-ть дней мы прибыли въ Мартинику, претерпѣвъ при вѣздѣ въ гавань пальбу цѣлаго англискаго флота; онымъ кораблемъ командовалъ маркизъ де-Водриоль (de Vaudrieull). Тутъ, не имѣя денегъ и не зная что зачать, химія и латинскій языкъ рекомендовали меня помощникомъ главному королевскому аптекарю Дюпрату при госпиталѣ; а правительство, имѣя во мнѣ нужду по тогдашнимъ военнымъ случаямъ, опредѣлило меня королевскимъ русскійскимъ и славянскимъ переводчикомъ при адмиралтействѣ. Жилъ я около 11-ти мѣсяцевъ у аптекаря съ тѣмъ, что онъ, будучи слабъ здоровьемъ, поѣдетъ во Францію и оставить свою аптеку мнѣ и прожектировалъ уже я выписать жену въ Мартинику; но въ ночи 16-го октября (1780 г.) море, взволнованное внутренними подьдонными вѣтрами, поднялось горою, вышло изъ своихъ предѣловъ, и, повалившись на городъ, 155 дворовъ съ аптекой и съ моею надеждою смыло долой и я отъ разореннаго аптекаря, въ мартѣ 1781 г., отошелъ и принялся за табачное мастерство; но такъ какъ я былъ въ лавкѣ, фабрикѣ и работѣ одинъ, табакъ произвелъ такое дѣйствіе въ моей головѣ, груди и желудкѣ, что въ пять мѣсяцевъ походилъ болѣе на мертвеца, вставшаго изъ гроба, нежели на человека живого; и такъ фабрику бросаю и началъ по морю ѣздить прикащикомъ на провіантскомъ суднѣ купца Далтона съ сентября 1781 года, по февраль 1782 года, въ кое время онъ судно продалъ; а я въ 20-е число февраля-жъ, сѣлъ съ товаромъ на американской корабль, ѣдущій въ Виргинію, взявъ отъ правленія отпускъ на 6 мѣсяцевъ, а на себя имя русскіаго доктора и офицера Ивана Баха, имѣющаго паспортъ отъ мартиниканскаго русскіаго переводчика Каржавина; но въ 5-й день подѣ Порторикомъ англицкій 22-хъ пушечный каперъ Амазонъ пересѣкъ намъ дорогу и принудилъ насъ взять отъ него провожатыхъ въ Антигу, куда мы прибыли по 17-ти дневномъ плаваніи. На островѣ Антигѣ Англичане читали паспортъ Ивана Баха, смотрѣли на его патентъ, спрашивали о причинѣ имѣющагося въ Мартиникѣ переводчика русскіаго, жалѣли, что русскій вояжиръ попался между ихъ непріателями подѣ военную судьбину,

опредѣлили ему по 3 гривны на день королевскаго жалованья, дали казенную квартиру и волю ходить въ городъ и за городъ на одну милю, по праву данному парольнымъ военно-плѣнникамъ; между тѣмъ, на похищенномъ кораблѣ весь Каржавина багажъ разграбленъ, а остались однѣ книги и лекарства по моему счастью. Черезъ двѣ недѣли жалованье мнѣ отказано и получилъ я паспортъ вольной ѣхать куда захочу, безъ денегъ, въ военное время, съ неизвѣстнаго мнѣ острова и безъ корабля. На ту пору стоялъ въ гавани Гишпанскій парламентарный корабль, на которомъ имѣлось много больныхъ; корабельщику понадобились мои лекарства и моя рука, ланцетъ и пластыри, и онъ взялъ меня съ собою въ должность лекаря.

„17-го дня апрѣля (1782 г.) поѣхали мы въ Новый Йоркъ, куда прибыли въ 25 дней; тутъ покусился я сыскать себѣ пропускъ на американскій берегъ рѣки Гудсона, въ силу англичскаго вольнаго паспорта; но адмиралъ Дигбай (Digby) онаго паспорта меня лишилъ и принудилъ остаться съ Гишпанцами безъ вида. 11-го іюня Гишпанцы, окончивши разныя плѣнниковыя съ Англичанами, отправились въ море, и въ 37-мь дней пріѣхали на островъ Санъ-Доминго, въ городу Сар (Капъ) съ репортомъ къ гишпанскому главному генералу Галвесу, который велѣлъ меня спросить, по рекомендаціи гишпанскихъ корабельныхъ офицеровъ, не вступлю-ли въ должность полкового лекаря въ его арміи по ваканціи умершаго одного Француза; но я пожелалъ продолжать путь до Гаванны и тамъ быть вольнымъ. 6-го дня августа мы поѣхали въ море, 11-го дня пріѣхали въ Мантасанъ на островѣ Кубѣ, а оттуда въ однѣ сутки въ Гаванну по прошествіи нѣсколькихъ дней. Въ Гаваниѣ и околечныхъ мѣстахъ прожилъ я 23 мѣсяца (всѣхъ 28 мѣсяцевъ съ Гишпанцами) и сыскивалъ себѣ хорошее пропитаніе своимъ знаніемъ, а именно: лечилъ больныхъ, составлялъ медикаменты для аптекарей, дѣлалъ разныя водки для питьевыхъ лавокъ и домовъ и училъ по-французски.

„По заключеніи мира велѣно всѣмъ иностранцамъ выѣхать изъ гишпанскихъ селеній въ силу кастильскихъ законовъ, и данъ мнѣ паспортъ отъ губернатора въ Новой Орлеанъ—Мисисипи тожъ и поѣхалъ я, августа 5-го дня 1784 года, изъ Гаванны на ново-орлеанскомъ кораблѣ, а 4-го дня сентября очутился въ Новомъ Йоркѣ; откуда черезъ Филадельфію добрался я до Виргиніи, и до самаго того мѣста, гдѣ я въ прежнемъ моемъ вояжѣ ходилъ въ американскую школу у города Смитфеля. Тутъ я началъ посѣщать больныхъ, что продолжалось 7-мь мѣсяцевъ, но усмотрѣвъ, что Американцы потерявъ свою честь и совѣсть при бумажной монетѣ—оныхъ не нашли при серебряныхъ деньгахъ—поѣхалъ я, по прошествіи зимы, въ сто-

лицу виргинскую, въ Вильямсбургъ, гдѣ я живаль у Венеля. Французскій купецъ Лакруа, имѣвъ нужду побывать во Франціи, поручилъ мнѣ въ маѣ свой домъ и торгъ, а французскій консулъ г-нъ Остеръ опредѣлилъ меня своей канцеляріи переводчикомъ для французскихъ и американскихъ дѣлъ. Съ онымъ купцомъ Лакруа послалъ я о себѣ извѣстіе въ Парижъ г-ну статскому совѣтнику Хотинскому, который, привыкши по доброй своей душѣ имѣть обо мнѣ попеченіе со времени моего воспитанія при посольствѣ российскомъ, не преминулъ исходатайствовать здѣсь, челолюбивымъ стараніемъ г-на коллежскаго совѣтника Николая Павловича Кондоидіа, отъ моихъ сродниковъ помощь для моего возвращенія изъ толь отдаленной страны.

„Въ началѣ 1787 года получивъ желаемый отвѣтъ изъ Европы, поѣхалъ я изъ Виргиніи въ Мартинику съ паспортомъ и атестатомъ консульскимъ, для сложенія съ себя званія российскаго переводчика и получивъ въ августѣ отъ команды увольненіе съ атестатомъ, оставилъ сей островъ 6-го ноября и, по двумѣсячномъ плаваніи, пріѣхалъ во Францію 5-го января сего 1788 года,¹¹⁾ а въ іюлѣ мѣсяцѣ отправился я изъ Парижа въ Россію съ помощію г-на Хотинскаго съ живописцемъ, отданнымъ подѣ мое смотрѣніе, бывшимъ его императорскаго высочества пенсіонеромъ Иваномъ Ермѣевымъ,¹²⁾ коего я благополучно въ Россію привезъ“.

Примѣчанія Н. П. Дурова.

1) Записка Θ. В. К. носитъ офидіальный характеръ и потому въ ней почти ничего не говорится объ отношеніяхъ Каржавина къ отцу и женѣ и другихъ болѣе или менѣе интимныхъ сторонахъ его жизни, а потому въкоторыя пропуски и недомолвки мы пополняемъ по имѣющейся у насъ перепискѣ его и по другимъ документамъ.

2) Въ Парижѣ молодой Каржавинъ былъ отданъ на попеченіе дяди Ерофея Каржавина, который жилъ во Франціи болѣе 10-ти лѣтъ; подробности о пребываніи Ерофея Каржавина во Франціи изложены въ запискѣ о немъ, поданной отъ 23-го августа н. ст. 1756 года, профессоромъ политической исторіи Жанъ-Льв Барбо де-ла-Брюеръ д'Ельваръ королю Людовику XV, и которую мы сообщаемъ въ приложеніи. Когда Ерофей Каржавинъ возвратился въ Россію, Федоръ Васильевичъ былъ отданъ подѣ надзоръ профессора греческаго языка Горисана. Съ поступленіемъ на службу при посольствѣ нашемъ, онъ переселился въ домъ посланника кн. Голицына; тутъ онъ познакомился и сблизился съ Николаемъ Константиновичемъ Хотинскимъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ поступилъ въ коллегію Ликсіе (Lixieux) и какъ показываютъ сохранившіеся школьные атестаты его, атестовался каждый годъ первымъ ученикомъ. Изъ этой коллегіи 11-ти лѣтній Каржавинъ писалъ письма къ отцу и матери на русскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Изъ коллегіи Ликсіе Каржавинъ поступилъ уже въ Парижскій университетъ.

3) Съ извѣстнымъ архитекторомъ нашимъ Василиемъ Ивановичемъ Баженовымъ (1737 † 1799), Каржавинъ познакомился на пути изъ Парижа въ Рос-

сію, въ 1765 году, и пользовался дружбой его до самой кончины Василія Ивановича. Послѣ смерти его онъ хлопоталъ по дѣламъ его вдовы.

4) Генрихъ де-Лави былъ въ теченіе 40 лѣтъ домашнимъ учителемъ въ Россіи. Съ 1765 г. онъ читалъ лекціи французскаго языка въ Московскомъ университетѣ. Умеръ въ октябрѣ 1770 года.

5) Этой привилегіей Каржавинъ воспользовался и открылъ школу въ Москвѣ. Въ числѣ учениковъ его были купеческіе сыновья Москвитинъ, которые впослѣдствіи принятии Каржавина, когда мать изгнала его изъ своего дома. Въ 1790 г. Каржавинъ и жена его были приняты въ домъ Москвитинъ какъ родные.

6) Въ тетрадѣ, сохранившейся между бумагами Каржавина и озаглавленной Voyage d'Hollande en 17¹⁶/_{VII}73, вывѣдъ его изъ Россіи описать подробнѣе: «Рѣшившись ѣхать въ чужіе края искать счастья, при помощи Демидова, я взялъ отпускъ подѣ предлогомъ болѣзни въ концѣ апрѣля 1773 года. Въ началѣ іюня я выѣхалъ изъ Москвы со своимъ багажемъ... Пара лошадей отъ Москвы до Петербурга стоила мнѣ 12 рублей, со мной было 4 пуда багажу. Мы провели 12 дней въ дорогѣ и на 12-й день, утромъ, я доѣхалъ счастливо до Петербурга. Въ Петербургѣ я остановился у Солодовникова, которому Демидовъ поручилъ отправить меня въ Голландію вѣстѣ съ сыномъ Г. М. Станиславскаго Кирилломъ Сергѣевичемъ. Въ тотъ же день былъ у сестры Елисаветы (Елисавета Васильевна была замужемъ за Гавриломъ Игнатьевичемъ Козловымъ, профессоромъ живописи) и нѣсколько дней спустя былъ у другой сестры Евдокіи (Евдокія Васильевна была замужемъ за Анапьевскимъ).

«25-го іюня (1773 г.) я получилъ мой паспортъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ черезъ посредство Баженова и Шарапова.

«На другой день я засвидѣтельствовалъ его въ адмиралтействѣ и въ полиціи. Въ Кронштадтѣ я поѣхалъ со Станиславскимъ 8-го іюля на шлюпкѣ; по пріѣздѣ, мы отправились на голландскій двухъ мачтовый галіотъ «Johanna en Pieter», управляемый капитаномъ Рейну Лоренсомъ, чтобы условиться съ нимъ въ переѣздѣ въ Голландію. 9-го іюля я засвидѣтельствовалъ мой паспортъ въ кронштадтской полиціи и адмиралтейской конторѣ, и когда 10-го числа я собирался явиться на кронштадтской биржѣ, меня задержалъ отецъ, пріѣхавшій въ Кронштадтъ изъ Ораніенбаума съ зятемъ Анапьевскимъ; онъ остановилъ меня и я, подѣ конвоемъ одного солдата, былъ отправленъ въ адмиралтейскую коллегію при рапортѣ контръ-адмирала Снявина (Николая Ивановича), въ которомъ значилось, что я собирался бѣжать за границу съ фальшивымъ паспортомъ и, по удостовѣренію отца, обокралъ его и даже покушался на его жизнь. Меня держали подѣ арестомъ адмиралтейской коллегіи 11—12-го іюля; въ этотъ день меня переслали въ коллегію иностранныхъ дѣлъ; тамъ меня посадили, и г-нъ Курбатовъ привезъ меня къ Козлову. 13-го—я получилъ отъ него мой паспортъ съ приказаніемъ тотчасъ-же ѣхать въ Кронштадтъ.»

Послѣ этого Ѡ. В. удалось выбраться изъ Россіи; въ этомъ разсказѣ Каржавинъ умалчиваетъ о томъ, какъ Снявинъ предлагалъ обиженному отцу его услуги своихъ матросовъ и большой выборъ кошекъ, (родъ плетей) на случай если бы отецъ захотѣлъ поучить своего сына. Въ письмѣ за границу къ Ѡедору Васильевичу отецъ напоминаетъ ему объ этомъ и о томъ, что онъ не пользовался обязательнымъ предложеніемъ Снявина.

7) Извѣстнаго Прокопія Акинѣевича Демидова.

8) Каржавинъ официально назначаетъ день своей свадьбы 15-е февраля

1774 г., но въ публикаціи, по которой онъ розыскивалъ вѣдѣнія о женѣ своей, онъ говоритъ, что женился въ 1776 году. Каржавинъ былъ женатъ на бѣдной сиротѣ, дѣвицѣ Шарлотѣ Рамбургъ, бывшей въ ученіи у модистки Гульямъ и учившейся убирать и чесать волосы у г-жи Дюбургъ. Жена его, во время отсутствія его изъ Парижа, сперва занималась шитьемъ, потомъ жила въ услуженіи и, задумавъ посвятить себя воспитанію дѣтей въ Россіи, занималась теоретическимъ изученіемъ французскаго языка и географіи. Сравнивая письма ея къ мужу въ первое время и потомъ, видно, что она сдѣлала большіе успѣхи въ грамотахъ.

9) Каржавинъ жилъ въ Парижѣ и ухаживалъ изъ него подъ фамиліей Лами (Lamy). Настоящей причиной выѣзда его изъ Парижа была размолвка съ женою. Во время пребыванія въ Парижѣ онъ подготовилъ 4 перевода съ русскаго для изданія: 1) Voyage du Spitsberg, 2) Instructions Chrétienness, 3) Mythologie Russo-Slavonne и 4) Pierre d'achoppement. Не знаемъ удалось-ли ему напечатать свои переводы; въ каталогахъ не встрѣчается книгъ съ такими заглавіями; что же касается до оригиналовъ, съ которыхъ сдѣланы имъ эти переводы, то 1-й кажется, переводъ: «Приключенія 4-хъ россійскихъ матросовъ, къ острову Шпитсбергену бурей принесенныхъ». Спб. 1772 г., въ 12°; 2-й — «Правила христіанскія, руководствующія къ истинному образованію ума и сердца». М. б. ozn. года въ 8°; 3-й вѣроятно переводъ «Русско-славянскаго баснословія» — Чулкова, изд. въ М. 1762 г., въ 8°; и 4-й — «Камень соблазна или историческое изъясненіе о началѣ разединенія церквей восточной и западной», соч. Ильи Минятинъ. Книга эта была издана позже въ 1783 г., но можетъ быть переводъ сдѣланъ съ рукописнаго русск. перевода или съ греческаго; другихъ книгъ съ подходящими заглавіями мы не нашли у Сошкова, Смирдина и Плавильщикова.

10) Въ письмѣ къ отцу, отъ 1-го сентября 1785 года, Каржавинъ пишетъ: «Лѣтъ тому 6 или 7 будетъ, какъ я жилъ на коштѣ виргинскаго правительства мѣсяцевъ 6 въ Вильямсбургѣ, гдѣ намѣревался быть посланнымъ къ россійской государинѣ отъ американскаго конгресса съ публичнымъ характеромъ въ то время, какъ тѣ (американцы) отправили доктора Франклина къ королю французскому полномочнымъ министромъ; но обстоятельства военныя и нѣкоторые перевороты въ американскихъ дѣлахъ, памятуяще, что я былъ у васъ не въ милости и страхъ отъ россійскаго министра Панина, ежели-бъ я, русскій человѣкъ, посланъ былъ ко своей государинѣ въ публичномъ званіи отъ иностранной короны и проч., причинили мнѣ предпочесть возвратиться въ Мартинику...»

11) По пріѣздѣ въ Парижъ, Каржавинъ тотчасъ началъ розыскивать жену; для этой цѣли онъ отнесся къ полицейскому управленію тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ ожидалъ найти ее, и когда эта попытка оказалась безуспѣшной онъ сдѣлалъ публикацію, по которой и розыскалъ ее. Поживъ съ нею, онъ отправился на родину. Изъ писемъ видно, что жена не хотѣла за нимъ слѣдовать въ Россію, такъ что онъ рѣшился, устроивъ свои дѣла по наслѣдству, выхлопотать себѣ мѣсто при посольствѣ или при консульской конторѣ, что бы ѣхать самому за границу, но дѣла задержали его въ Россіи.

12) Ермѣневъ надѣлалъ много хлопотъ Каржавину: онъ пьянствовалъ, заводилъ ссоры и былъ замѣчанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, свѣдали о его проказахъ и онъ лишился покровительства в. кн. Павла Петровича; полагая, что Каржавинъ и Хотинскій распустили худую молву объ немъ, Ермѣневъ всячески вредилъ Федору Васильевичу, ссорилъ его съ родными и т. п.

Н. Д

II.

Помѣщенная выше автобіографическая записка Каржавина написана имъ для того, чтобы представиться въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ о мѣстѣ при посольствѣ или при консульскихъ конторахъ за границей. Ѳеодоръ Васильевичъ полагалъ что связи, приобретенныя имъ въ Россіи, помогутъ ему принести пользу на этомъ поприщѣ, и имѣлъ въ виду сойтись въ тоже время съ женой, которая, повидимому, не рѣшалась еще ѣхать въ Россію.

Мы прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу Каржавина по письмамъ его къ женѣ за границу и по другимъ его бумагамъ; но предварительно считаемъ необходимымъ оговориться, что справедливость разсказа Каржавина о его приключеніяхъ подтверждается паспортами его, атестатами и другими документами, имѣющимися у насъ въ подлинникѣ.

Мы говорили, что Каржавинъ собирался, при первой возможности, поступить на русскую службу и искалъ мѣста въ Россіи, но дѣла по наслѣдству задержали его въ Петербургѣ и онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, увидѣлъ, что присутствіе его здѣсь необходимо; такъ отъ 25-го августа 1787 года онъ пишетъ женѣ:

„Будьте здоровы другъ мой, цѣлую васъ отъ всего сердца, цѣлую портретъ вашъ! Съ какою радостью я расцѣловалъ бы васъ самихъ на родной землѣ, въ кругу родныхъ, передъ старухой матерью. Вы—моя жена и она, во всякомъ случаѣ, должна признать васъ дочерью; впрочемъ я думаю, что она встрѣтила-бы васъ какъ дочь родную, а не какъ жену сына; она искренне желаетъ видѣть васъ подлѣ себя, чтобы вы утѣшили ее на старости лѣтъ... Мать и родные встрѣтили меня радушно; они видимо были огорчены, что я пріѣхалъ безъ васъ и обманулъ ихъ ожиданія; они думали встрѣтить меня съ женой и съ полу-дюжиной ребятъ. Братъ мой давно имъ извѣстенъ; они видѣли вашъ портретъ и допрашивали объ васъ Ермѣнева; я воюю съ ними по поводу обручальнаго кольца, однако жъ до сихъ поръ ничего не говорилъ имъ о нашей свадьбѣ. Они поговариваютъ, что нехорошо намъ жить на два дома, потому что это влечетъ за собою лишніе расходы; кромѣ того, они ожидаютъ, что я, при первой возможности, уѣду къ вамъ, тогда какъ желали бы, напротивъ того, видѣть васъ здѣсь; они полагаютъ, что мы могли бы поселиться у матушки, съ тѣмъ, что бы я взялъ на себя веденіе ея дѣлъ, которыхъ ей поручить рѣшительно некому. Братъ мой слишкомъ молодъ, ему всего 20-й годъ, но онъ, по необходимости, со смертію

отца и за мои́мъ отсутствіемъ, завѣдуетъ всѣмъ; онъ купилъ домъ въ 80 т. ливровъ, говоря, что приобретаетъ его для меня, но записалъ его на свое имя. Мать, по старости своей, не имѣетъ силъ съ нимъ справиться и онъ дѣлаетъ что хочетъ; сами посудите, какія это можетъ имѣть послѣдствія. Въ результатѣ оказывается, что я живу у брата, хотя всѣ величаютъ меня хозяиномъ. Я знаю, что существуетъ какое-то духовное завѣщаніе, составленное за два часа до смерти отца, написанное и подписанное священникомъ, но не самимъ отцемъ; оно составлено въ ихъ пользу и не въ моихъ интересахъ, нигдѣ не засвидѣтельствовано и мнѣ боится показать его, говорятъ, что отецъ ничего не оставилъ (ходятъ слухи, что онъ имѣлъ капиталъ въ 300,000), тогда какъ на моихъ глазахъ купленъ домъ, я вижу лошадей, экипажи; вижу, что сорять деньгами и право не знаю чѣмъ все это кончится“.

Покуда устраивались его дѣла, Каржавинъ жилъ съ матерью, которая оказалась скупая, полу-помѣшанная старуха; его опутали дрызгами, перессорили съ замужними сестрами и онъ рѣшился наконецъ взять отъ матери, что она дастъ и ѣхать за границу; былъ готовъ уже паспортъ и онъ совсѣмъ собрался въ дорогу, но родные заповодрили его, что онъ взялъ отъ матери болѣе чѣмъ ему слѣдовало и начали дѣло, что и задержало его въ Россіи. По проискамъ родныхъ, онъ поссорился съ матерью, которая выгнала его изъ дому, такъ что онъ принужденъ былъ переѣхать къ бывшему ученику своему, купцу Москвину.

Въ 1791 году, 26-го августа, мать Каржавина была убита; подозрѣніе падало на брата его, но по суду онъ былъ оправданъ; убійцами оказались люди, жившіе въ услуженіи. По смерти матери возникаетъ новый процессъ о наслѣдствѣ; покуда онъ тянется, дѣла покойной остаются на рукахъ его брата, который, находя это выгоднымъ для себя, старается запутывать и тянуть дѣло по наслѣдству сколько можетъ; такъ что Каржавинъ отказывается уже отъ мысли ѣхать въ чужіе края, тѣмъ болѣе, что къ этому времени пріѣхала жена его въ Петербургъ. Во все время премея пребыванія ея въ Парижѣ, Каржавинъ высылалъ ей изъ Россіи по 1,200 франковъ ежегодно, пересылая сверхъ того что могъ. Она пріѣхала въ Петербургъ 31-го іюля 1791 года, но и здѣсь имъ не суждено было сойтись; неизвѣстно что помѣшало имъ жить вмѣстѣ, жена-ли по прежнему не захотѣла оставаться съ нимъ или средства не позволяли имъ обзавестись своимъ домомъ, только изъ писемъ видно, что она жила въ Москвѣ въ гувернанткахъ у Ивана Петровича Архарова, бывшаго при императорѣ Павлѣ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ.

Далѣ мы нашли въ бумагахъ подорожную, выданную ей въ 1801 году на проѣздъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ, и официальное извѣщеніе о смерти ея, изъ котораго видно, что она умерла въ 1807 году, въ Курскѣ, и похоронена у церкви Успенья Богородицы въ этомъ городѣ.

Рѣшившись остаться навсегда въ Россіи, Каржавинъ искалъ себѣ занятій, и когда со смертью Екатерины II, Баженовъ вошелъ въ силу при Павлѣ Петровичѣ, онъ выхлопоталъ ему, въ 1797 году, мѣсто переводчика въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; этою должностію кажется и закончилась служебная карьера Ѳедора Васильевича. Спустя три года послѣ смерти первой жены, Каржавинъ женился на Надеждѣ Никитичнѣ Барановой, отецъ которой служилъ въ дирекціи императорскихъ театровъ. Вторая жена пережила Ѳедора Васильевича. Онъ умеръ въ 1812 году, какъ значится въ замѣткѣ Сулакадзева, которому достались всѣ бумаги Каржавина.

III.

Автобіографическая записка, какъ мы предупреждали, не вполне знакомитъ съ оригинальной личностію Каржавина, которая гораздо рельефнѣе и живѣе рисуется въ перепискѣ его съ отцомъ и женою. При ближайшемъ знакомствѣ съ интимной стороною его жизни по этимъ письмамъ, гдѣ онъ высказывается съ полною откровенностію, мы прежде всего замѣчаемъ въ немъ много чисто народныхъ особенностей, присущихъ русскому человѣку, которыя сохранились въ немъ, несмотря на заграничное воспитаніе. Ѳедоръ Васильевичъ не терается въ самыя трудныя минуты жизни, и, выражаясь его словами: „преисполненный русскимъ неунывающимъ духомъ“ находитъ исходъ. Увѣренный, что, благодаря многосторонней образованности и природной русской смѣлѣ, онъ нигдѣ не пропадетъ, Каржавинъ, если ему не везетъ въ Россіи, ѣдетъ во Францію; тамъ не поладилось—отправляется на Мартинику, въ Америку, идетъ на самыя рискованныя предпріятія, словомъ, вездѣ найдется и выйдетъ цѣлымъ изъ всѣхъ жизненныхъ передригъ, не измѣнивъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Онъ, когда того потребуетъ судьба, является попеременно учителемъ, архитекторомъ, докторомъ, аптекаремъ, служитъ при консульской конторѣ или занимается табачной фабрикаціей. Необходимость работать изъ-за куса насущнаго хлѣба гонитъ его отъ одной дѣятельности къ другой, не давая времени остановиться на чемъ-нибудь и заставляя его тратить на мелочи разнообразныя познанія, которыя онъ приобрѣлъ долгимъ ученіемъ и которыя, при дру-

гихъ условіяхъ, могли быть употреблены производительнѣе. Такимъ образомъ въ результатѣ его лихорадочной дѣятельности выходитъ то, что онъ имѣлъ полное право, въ письмѣ къ отцу, говоря о томъ, что онъ не ищетъ ни чьей милости, сказалъ про себя: „я заслужилъ (ее) своими достоинствами, своимъ трудомъ, своею наукою“, потому что онъ, чуждаясь всякихъ замискиваній, дѣйствительно сумѣлъ приобрести уваженіе и полное довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло и вообще сталкивался въ жизни. При всемъ этомъ онъ не можетъ подняться надъ общимъ уровнемъ, несмотря на несомнѣнные дарованія и натуру, далеко не дюжинную. Заботы о насущномъ хлѣбѣ и о томъ, чтобы скорѣе вырваться изъ этого тяжелого положенія, при которомъ гибнуть его познанія и силы, и поскорѣе обезпечить свое существованіе и судьбу любимой имъ жены, заботы эти поглощаютъ всю его энергію.... чувствуя это, онъ съ горечью говорить въ письмѣ къ отцу: „я видѣлъ разные народы, знаю ихъ обычаи, ихъ промыслы, я измѣрилъ пучины и глубины иногда съ рискомъ моей жизни; но все то для кого и для чего? все то было напрасно! лучше было мнѣ быть багачникомъ, нежели учиться и терять мою жизнь напрасно. Съ 3,000 руб. я жилъ по милости Демидова 12 лѣтъ и живу теперь, хотя потерялъ 2 корабля и былъ дважды въ плѣну, и теперь еще имѣю 3,000 рублей въ карманѣ бумажной американской монеты, но за границей (Америки) она полущки не стоитъ....“

Желая утишить въ себѣ потребность другой лучшей дѣятельности, вызванную образованіемъ и сознаніемъ, что и онъ, подобно другимъ, способенъ къ ней, онъ съ комичной важностью сравниваетъ себя съ Колумбомъ. „Я считаю себя не меньше Христофора Колумбуса, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — различіе только то, что онъ имѣлъ милость отъ своего государя, а же не имѣю ни отъ кого, и не желаю имѣть“ или съ желчью относится къ заслугамъ тѣхъ, кто успѣлъ дать лучшее направленіе своей дѣятельности. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря о томъ, что тѣло человѣка послѣ смерти разлагается на составные элементы, которые соединяются съ другими однородными въ природѣ, онъ прибавляетъ: „химія то мнѣ доказала, хотя я въ школѣ у Ломоносова не былъ, ибо безъ Ломоносова химикомъ быть можно; подите въ московскую аптеку, тамъ Ездель въ одну недѣлю болѣе опытовъ сдѣлаетъ, чѣмъ Ломоносовъ въ годъ, а я въ Мартиниканской госпитали болѣе выучился въ одинъ годъ, нежели какъ могъ бы выучиться въ 10 лѣтъ въ Московской госпитали“.

Каржавинъ сумѣлъ, благодаря честности своихъ убѣжденій, находить себѣ друзей и сохранять ихъ до конца жизни, несмотря на

всѣ жизненные невзгоды. Одинъ изъ нихъ, совѣтникъ посольства нашего въ Парижѣ, Николай Константиновичъ Хотинскій, знавшій Каржавина съ дѣтства, пересылаетъ Николаю Павловичу Кондоиди письмо Каржавина къ матери и проситъ передать его по назначенію чрезъ Гаврилу Игнатьевича Козлова (зятя Каржавина); при этомъ онъ прибавляетъ: „не знаю, въ какомъ духѣ и слогѣ она (т. е. мать Каржавина) ему писала, а буде въ сходственныхъ съ расположеніями, въ каковыхъ нашли вы ее, когда просили ее, чтобы она прислала къ сыну денегъ,¹⁾ то, можетъ, осторожнѣе поступилъ бы Гаврила Игнатьевичъ, если бы вскрылъ то письмо, яко къ нему написанное, и, смотря по содержанію, показавъ бы оною матушѣ его или бы объ ономъ совсѣмъ утаилъ. Господинъ Каржавинъ бывалъ очень горячъ, онъ все напрымишь говаривалъ, а какъ и теперь изъ письма его увидите, что индо проскакиваетъ, какъ онъ твердъ въ образѣ своихъ мыслей, то предосторожнѣе будетъ, еслибъ Гаврила Игнатьевичъ разсматрѣлъ, нѣтъ-ли чего въ ономъ оскорбительнаго матушѣ г-на Каржавина или памяти покойнаго его отца, которою легко статочною съ его стороны невоздержанностью могъ бы иногда дѣла свои испортить“.

Изъ приведенной выше автобіографической записки видно, что самая первая невзгода, выпавшая на долю 23-хъ-лѣтняго Каржавина, была ссора съ отцомъ его. Эта ссора, какъ видно изъ переписки, и побудила его главнымъ образомъ оставить Россію. Отецъ его, купецъ 1-й гильдіи, Василій Никитичъ Каржавинъ, былъ, повидимому, человѣкъ образованный; онъ зналъ языки настолько, что могъ самъ учить сына латинскому языку, и, какъ говоритъ Ѡ. В. Каржавинъ, сумѣлъ развить въ немъ любовь къ наукамъ; но выросшій въ понятіяхъ о безусловной власти родителей надъ судьбою дѣтей ихъ и надѣленный отъ природы твердымъ и деспотичнымъ характеромъ, онъ не могъ простить сыну его „неповиновенія волѣ родительской“.

Въ примѣчаніи къ запискѣ Ѡ. В. Каржавина, описывая подробности вѣзда его изъ Россіи, мы видѣли, какъ отецъ былъ твердъ въ намѣреніи заставить сына исполнить свою волю; эта твердость и стойкость въ разъ принятыхъ рѣшеніяхъ перешла по наслѣдству къ Ѡедору Васильевичу.

Для того, чтобы выяснитъ себѣ отношенія между отцомъ и сыномъ, надо припомнить что Ѡедоръ Васильевичъ съ 11-ти лѣтъ воспиты-

¹⁾ Въ это время отецъ Каржавина умеръ и ему слѣдовало получить наслѣдство. Деньги просили у его матери для того, чтобы дать ему средства возвратиться изъ Америки въ Россію.

вался внѣ дома родительскаго и связь его съ семьей поддерживалась только перепиской, которая мало по малу изъ интимной переходитъ въ дѣловой тонъ. Отецъ его, какъ человекъ богатый, не жалѣлъ средствъ для воспитанія сына; по отъѣздѣ дяди, Ерофея Каржавина, въ Россію, Ѳедоръ Васильевичъ былъ отданъ подъ надзоръ профессора греческаго языка Герисона, который получалъ отъ отца Каржавина ежемѣсячно по 1,000 франковъ. Герисонъ былъ человекъ семейный и небогатый; изъ боязни потерять выгоднаго пансіонера, онъ старался внушить отцу Каржавина опасенія за нравственность его сына, выставилъ передъ отцомъ разные дурныя наклонности, подмѣченныя будто-бы въ молодомъ Каржавинѣ, и необходимость своихъ попеченій о немъ. Отецъ не имѣлъ возможности провѣрить его, и, вслѣдствіе постоянныхъ наговоровъ Герисона, довѣріе его къ сыну колебалось; это конечно отразилось въ перепискѣ и охладило къ нему сына; этимъ недоувѣріемъ, которое особенно тяжело для человека правдиваго, объясняется та рѣзкость и сухость отношеній Ѳедора Каржавина къ отцу, которая развилась еще болѣе послѣ ссоры между ними въ Петербургѣ, имѣвшей такое роковое вліаніе на судьбу Каржавина.

Съ отъѣздомъ его за границу между сыномъ и отцомъ завязывается переписка, и въ письмахъ его къ отцу, съ особенной рѣзкостью, высказываются его убѣжденія.

Во время своихъ странствованій Каржавинъ заболѣлъ и болѣзнь приняла-было такой серьезный характеръ, что онъ, опасаясь за свою жизнь, рѣшается примириться съ отцомъ и пишетъ ему: „прошу васъ слезно предать забвенію досады, которыя могъ я вамъ причинить, и не уносить съ вами въ гробъ память таковыхъ вещей, которыя должны оставаться на поверхности земли и происходить часто отъ несносности (т. е. невыносливости) и нетерпѣливости молодого, отъ вольной крови рожденнаго, человека. Да какая бы вамъ радость (была), что за утѣха, если бы вы узнали во мнѣ рабскій духъ и подлость человека, рожденнаго подъ игомъ холопства? Я никогда не удалялся отъ почтенія, которое я имѣю къ родившему меня; но удаляясь отъ ударовъ и угрозъ того человека, между коимъ и мною долженствовалъ быть сладчайшій любви союзъ—дошелъ я до того, (что) выпрвался изъ таковой опасности; не захотѣлъ я, чтобы отецъ своею свирѣпостью подвергъ себя суду законному; спасся я бѣгствомъ въ чужіе края отъ его угрозъ; обиды я ни въ единой полумкѣ ему не причинилъ, и тѣмъ сталъ-ли я виноватъ, что не подложилъ своей головы подъ поднятое уже надъ нею полѣно; весьма чудное было бы и смѣху достойное сыновнее повиновеніе, когда бы сынъ подвергъ

себя отцовскому свирѣпству и допустилъ бы его быть сыноубійцею Спасъ человѣкъ свою жизнь и тѣмъ виновать! Авраамъ, проснувшись, говорить сыну, что Богъ ему во снѣ приказаль заколоть его, и сынъ шею свою протянулъ на бревно, потому что онъ долженъ не только повиноваться отцу, но и любить его, когда онъ ему шею хочетъ перерѣзать; чудный законъ! чудная любовь! во дни Авраама людямъ все то грезилось, а во дни Екатерины людямъ не грезится, но они видятъ и просвѣщаются свѣтомъ, изліяннымъ на ихъ разумъ изъ престола того, кто былъ, есть и будетъ источникомъ всякаго просвѣщенія! И такъ, милостивый родитель, прости бѣднаго Исаака, что онъ шею свою отъ вашего ножа скрылъ, по волѣ и по опредѣленію Божества, а не по своей непокорности, ибо его покорность была бы вамъ самимъ вредна и безчестна“.

Отецъ при своемъ твердомъ характерѣ не могъ не уважать въ сынѣ своемъ той же твердости, и хотя самолюбіе его было затронуто непочтительнымъ поведеніемъ сына, такъ что онъ сыплетъ на него сперва проклятія и ругательства, но потомъ гнѣвъ его стихаетъ и онъ ищетъ своего сына, чтобы примириться съ нимъ, но поиски его были безуспѣшны; онъ такъ и умеръ — 17-го марта 1786 г.—не видавъ сына Ѳедора.

Религіозныя убѣжденія Каржавина тоже, для того времени, вполне своеобразны; онъ, какъ видно изъ приведенной выписки, признавалъ Божество какъ источникъ свѣта, просвѣщающаго разумъ людской, какъ источникъ истиннаго просвѣщенія, которое не дозволяетъ торжествовать неправдѣ въ жизни и вѣрилъ въ силу его, подъ покровомъ котораго истинное достоинство и правда не нуждаются въ покровительствѣ сильныхъ міра, но пролагаютъ дорогу сами... Онъ яснѣе высказывается въ этомъ смыслѣ въ отвѣтѣ на письмо отца, въ которомъ тотъ посылаетъ ему проклятіе: „Всемогущій Богъ,—ишетъ ему въ отвѣтъ Каржавинъ,—не можетъ быть свидѣтелемъ творимаго человѣку зла и Его именемъ оное творить есть оскверненіе имени Божьяго, злое употребленіе Его всемогущества. Да желаніе, чтобъ источникъ доброты сдѣлался источникомъ зла, есть грѣхъ противу Бога; не Его именемъ, но призваніемъ дьявола творятся такіа дѣла, а понеже дьявола нѣтъ иного, кромѣ угрызенія совѣсти въ человѣкѣ, слѣдовательно все то вѣтеръ“.

При такихъ понятіяхъ Ѳедоръ Каржавинъ отвергалъ внѣшніе обряды; на вопросъ жены, какъ желаетъ онъ крестить ребенка: по католическому или по православному обряду, онъ отвѣчаетъ: „Дѣтей крестили еще до христіанства, крестины—омываніе новорожденнаго; мнѣ рѣшительно все равно какъ умоютъ моего ребенка, по католи-

ческому или по православному обряду. Въ обѣихъ церквахъ католическихъ одинъ Богъ и одинъ законъ Божественный и одни крестины. Если бы я былъ съ вами, я зналъ бы какъ поступить въ подобныхъ обстоятельствахъ, а если ты съ ребенкомъ въ Парижѣ, то и дѣлайте такъ, какъ у васъ тамъ принято“. На опасеніе жены, какъ примуть его бракъ съ католичкой, онъ отвѣчаетъ: „Въ Россіи полная вѣротерпимость; у насъ можно жениться на католичкѣ, лютеранкѣ, хоть на магометанкѣ — для брачныхъ наслажденій нужна любимая женщина, а не религія“. ¹⁾

Бракъ его окруженъ какою-то таинственностью. Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ пишетъ: „Можетъ быть мнѣ представится скоро случай писать къ Хотинскому и можно будетъ вложить въ конвертъ письмо на твое имя. Можетъ случиться, что при видѣ твоего адреса онъ полюбопытствуетъ взглянуть на тебя; это маленькій человекъ, вѣжливый до утонченности, въ выраженіи лица его проглядываетъ тонкость и въ глазахъ его много проницательности; онъ одѣвается скромно и носитъ крестъ въ петличкѣ. Если онъ придетъ къ тебѣ, прими его прилично, какъ жена русскаго офицера, и будь осмотрительна въ разговорахъ. Помни же день нашей свадьбы — 15-е февраля 1774 г., — отецъ Симеонъ ²⁾ благословилъ нашъ бракъ у насъ на квартирѣ передъ двумя свидѣтелями, одинъ изъ нихъ умеръ, другой или не знакомъ тебѣ, или уѣхалъ изъ Парижа. Впрочемъ, такія подробныя объясненія наврядъ потребуются, можетъ быть ты не встрѣтишь ни одного русскаго, но слѣдуетъ всегда быть готовымъ на случай...“

Въ семейной жизни Каржавинъ былъ несчастливъ; жена его, какъ видно изъ писемъ, вскорѣ послѣ того какъ сошлись они, почувствовала къ нему охлажденіе, но онъ былъ искренно привязанъ къ ней до конца жизни. Высказывая въ своихъ письмахъ искреннюю и предупредительную привязанность къ женѣ и всегдашнюю готовность сойтись съ нею, Ө. В. Каржавинъ никогда не навязываетъ ей своихъ чувствъ и не требуетъ отъ нея взаимности; въ трудныя минуты жена обращается къ нему, предлагаетъ сойтись и жить вмѣстѣ; тогда онъ, понимая настоящее значеніе такихъ порывовъ, кротко и осторожно высказываетъ ей это; вотъ на примѣръ какъ отвѣчаетъ онъ женѣ изъ Мартиники на письмо ея, въ которомъ она вызываетъ его въ Парижъ:

„Въ письмѣ вашемъ, отъ 25-го мая 1777 г., вы совершенно не

¹⁾ Каржавинъ переписывался съ женой на французскомъ языкѣ, такъ что выдержки изъ писемъ его къ ней приводятся въ русскомъ переводѣ. Н. Д.

²⁾ Отецъ Симеонъ Матіевъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Н. Д.

заслуженно упрекаете меня; вы пишете, что вы всегда видѣли во мнѣ не только друга, но почитали меня какъ отца и смотрѣли на меня какъ на мужа вашего; вы знаете, другъ мой, былъ-ли я имъ, и, не въ упрекъ вамъ говоря, еслибы вы только захотѣли, я никогда не расстался бы съ вами и не подвергалъ себя опасностямъ; вы имѣли бы тогда удовольствіе видѣть теперь подлѣ себя мужа и друга Лами. (Вымышленная фамилія, подъ которой жилъ Каржавинъ во Франціи). Капризъ вашъ былъ причиною выѣзда моего изъ Парижа... я, по крайней мѣрѣ не знаю другой причины отъѣзда своего... Благодарю васъ, другъ мой, за тѣ чувства, которыя вы мнѣ высказываете, но онѣ вѣдь проявились только тогда (когда?) я живу на разстояніи 1,800 лѣ отъ васъ. Тотчасъ послѣ отъѣзда моего вы уже ожидаете моего возвращенія и обѣщаетесь дать мнѣ согласіе, котораго я такъ тщетно ожидалъ отъ васъ, давно пора! но по пословицѣ укусомъ не приманишь мухъ; не забудьте, что мнѣ уже 36 лѣтъ, а не 18, вѣдь для того, чтобы возвратиться въ Парижъ, надо заплатить за одинъ переѣздъ 600 франковъ, а если счесть всѣ дорожные расходы, то путешествіе это обойдется мнѣ въ 1,000 франковъ, чѣмъ же мы тогда будемъ жить съ вами? Конечно, жить подлѣ васъ, другъ мой, большое счастье, но оно не должно быть отравлено нуждой. Согласіе, о которомъ вы пишете въ письмѣ вашемъ, само собою разумѣется, дороже для меня всякаго богатства; но человѣкъ вѣдь животное, которое не можетъ жить однимъ воздухомъ: безъ хлѣба и вина любовь хладѣетъ и мерзнетъ, говоритъ латинская пословица. Я потерялъ три года, 2 корабля и все, что имѣлъ въ новой Англии, болѣе 20 разъ въ теченіе этого времени я рисковалъ жизнью и послѣ всего этого я поставленъ теперь въ необходимость жить у другихъ, и обогащать ихъ своимъ трудомъ и впереди мнѣ не видно исхода изъ этого тяжелаго положенія; изъ-за чего все это? все изъ-за одного рокового нѣтъ, связаннаго той, которая хотѣла быть дѣвицей Лами и не соглашалась сдѣлаться мадамъ Каржавиной; но, прочь всѣ гордыя мечты о счастіи! Помни бѣднякъ Лами, что ты надолго потѣрялъ ея гордое сердце; что ты больше ничего какъ несчастный аптекаръ и вари свои лекарства для храбрыхъ солдатъ, которые отомстятъ врагамъ твоимъ Англичанамъ за твое раззореніе; не мечтай же о счастіи, которое не для тебя существуетъ на свѣтѣ; ты думалъ заслужить его...¹⁾ и нѣжностью, но всѣ твои усилія были безплодны подлѣ нея, а теперь, когда ты уѣхалъ за 1,500 лѣ, можешь-ли ты

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ бумага истлѣла и нельзя разобрать одного слова.

повѣрить въ возможность этого счастья? Вмѣсто того, чтобы лѣтъ по первому призыву за нимъ и по прїѣздѣ встрѣтить можетъ быть новый отказъ, который убьетъ тебя, живи въ покоѣ, да дѣлай свои пластыри, оно вѣрнѣе, не основывая несбыточныхъ надеждъ на словахъ, которыя можетъ быть вырвались въ трудную минуту, были вызваны минутнымъ порывомъ, который пройдетъ безъ слѣда... Что бы вы ни думали обо мнѣ, вѣрьте одному, что пока хотя капля крови течетъ въ моихъ жилахъ я не могу быть покойнымъ, пока не буду имѣть впереди надежды видѣть васъ покойной и счастливой; не думайте, чтобы я говорилъ съ вами въ эту минуту не отъ чистаго сердца; повѣрьте, все, что я написалъ вамъ, вылилось у меня прямо отъ души. Знаете какъ я люблю себѣ представлять васъ: воображеніе мое рисуетъ мнѣ васъ, живущей покойно въ Парижѣ, довольной необходимыми въ жизни, безъ суетныхъ желаній. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ услышать отъ васъ то согласіе, о которомъ вы пишете и потомъ умереть у ногъ вашихъ, это было бы большое счастье. Я столько разъ встрѣчался лицомъ къ лицу со смертію и столько безотраднoго видится мнѣ впереди, что жизнь становится въ тягость; я, правда, не терплю нужды, да и хорошаго-то ничего не вижу въ жизни, чтобы особенно дорожить ею...“

Въ дальнѣйшей перепискѣ, когда Каржавинъ сошелся на короткое время съ женой, но она не пожелала слѣдовать за нимъ въ Россію, видно, что онъ примирился со страннымъ положеніемъ своимъ относительно жены, которая то призываетъ его, то вновь отталкиваетъ. Въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ этому времени, онъ пишетъ:

„У меня нѣкогда и въ помышленіи не было заставлять васъ страдать изъ-за меня, хотя мнѣ и было бы отчасти прощительно быть немного злопамятнымъ, но я всегда и безъ ропота подчинялся волѣ того, кто создалъ капризныхъ женщинъ...“

Отношенія ихъ становятся болѣе покойныя и дружественныя: онъ повѣряетъ женѣ свои планы о будущемъ, свои мысли, свои дѣла какъ доброму и надежному товарищу; затѣмъ, если онъ и даетъ ей совѣты, то не менторскимъ тономъ, а какъ равный равному; мы отмѣчаемъ эту черту, какъ особенность, рѣдко встрѣчающуюся въ то время. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ позволяетъ себѣ немного „злопамятствовать“ и вспоминая прежнія увлеченія жены, относится къ нимъ иногда цинично, но всегда добродушно.

IV.

Сочиненія и переводы *Θ. В. Каржавина*.

1) „Сравненіе древней архитектуры съ новою и собраніе десяти главныхъ авторовъ, которые писали о пяти чинахъ архитектурныхъ: а именно Палладіо и Скамоци, Серліо и Виньола, Барбари и Катанео, Альберти и Віола, Біолланъ и Делормъ—снесены между. Три чина греческой архитектуры: Дорическій, Ионическій и Коринѳическій составляютъ первую часть сего сочиненія. Два чина латинской архитектуры Тосканской и сложенный дѣлають вторую часть онаго; съ фигурами и съ прибавленіемъ особливыхъ десяти досокъ, представляющихъ въ большомъ видѣ стулъ троянскаго столба, что въ Римѣ“.

Съ французскаго языка перевелъ при экспедици строеній въ Москвѣ новаго дворца архитекторскій помощникъ *Θедоръ Каржавинъ*, 1770. Рукопись въ листъ (въ моей библиотекѣ).

2) „Сокращенный Витрувій или совершенный архитекторъ, сочин. *Каюдь-Перо*, переводъ съ французскаго *Θедора Каржавина*. М., 1789, въ 8^о (въ библиотекѣ Института инженеровъ Путей Сообщенія); у Сопникова и Плавильщикова нѣтъ, у Смирдина № 534, стр. 417.

3) *Description d'un poux vue en microscope (en français et en russe) par Theodore Karjavine, m—e de pension de l'université de Moscua avec figures a Carouge de l'Impr. de Jean Thomas imprimeur du roi 1789, 4^о, 2 нн.* (посвящено à *m-re Bellini professeur à l'université de Williamsbourg en Virginie*) и 20 стр. съ изображеніемъ виши на большомъ листѣ; по кат. Черткова, новаго изд. № 263, вып. 2-й, стр. 508; по кат. Плавильщикова ошибочно показанъ *Θ. Каржавинъ* переводчикомъ, а не сочинителемъ и указано петербургское изданіе, котораго намъ не случилось видѣть; см. на стр. 30 его каталога № 364. Тоже у Соп. ч. 4, стр. 52, № 7540; у Смирдина нѣтъ.

Сочиненіе это хорошо знакомо библиографамъ, потому что русскій переводъ его набранъ русскимъ шрифтомъ въ Каружѣ, который былъ тогда небольшою деревней; они не могутъ объяснить себѣ появленія русскаго шрифта въ этомъ мѣстѣ; вопросъ этотъ тѣмъ болѣе для нихъ любопытенъ, что другого подобнаго изданія въ этомъ мѣстѣ до сихъ поръ неизвѣстно. Письмо Каржавина къ жегѣ разъясняетъ эту загадку; онъ пишетъ ей говоря о Томасѣ, черезъ котораго онъ ей переслалъ деньги: „говорятъ даже, что онъ, въ отсутствіе типографика и безъ его вѣдома, захватилъ ящикъ съ пувсонами для русскаго шрифта, который онъ повабылъ возвратитъ при отъѣздѣ въ Парижъ, къ тому же онъ на одномъ изданномъ имъ листѣ при-

своимъ себѣ титулъ типографщика ея величества, титулъ, на который онъ не имѣетъ никакого права, потому что онъ былъ здѣсь факторомъ типографіи (Императорской) и былъ подъ началомъ у директора... Жена его изъ Женевы переѣхала въ Ліонъ и нанялась къ прачкѣ Берtrandъ...“

4) Описаніе хода купеческихъ и другихъ каравановъ въ степной Аравіи, съ показаніемъ порядка, какой турецкіе, армянскіе, греческіе купцы, еврейскіе промышленники, также многіе христіанскіе, но большей части англійскіе торговцы, наблюдаютъ въ переѣздѣ черезъ большую и малую степь, на пути отъ Балсора до Алепа, перев. съ англійскаго. О. К. Спб., 1790, въ 8°. Въ кат. Смирдина, на стр. 173, № 2,323, имени переводчика не обозначено; по кат. Плавильщикова № 2,438 стр. 202, у Сопикова № 7,733, ч. 4, стр. 82, при этомъ обозначена полная фамилія переводчика.

5) Марка Витрувія Полліона объ Архитектурѣ, съ примѣчаніями Перо; съ французскаго, архитекторъ Василій Важеновъ и помощникъ его Ѳедоръ Каржавинъ. Спб., 1790—1797, 10 частей, въ 4°. (У Плавильщикова № 844, стр. 72 (по ошибкѣ Важеновъ названъ Бажановымъ); у Сопикова ч. 2, стр. 37, № 2,065; у Смирдина № 5,341, стр. 416. Въ послѣднемъ—фамилія Каржавина не значится и переводъ приписывается одному Важенову. Соч. это до сихъ поръ продается въ Акад. Наукъ, за исключеніемъ 3-хъ первыхъ частей, всѣ экземпляры которыхъ распроданы).

6) Ахухамукхама Талымъ Набы, или книга богословія Магометовой во увеселеніе меланхоликовъ, перев. съ французскаго Ѳедоръ Каржавинъ. М., 1783, въ 8°. (У Соп. ч. 2, стр. 40, № 2,087; у Плавильщикова стр. 139, № 1,611; у Смирдина стр. 69, № 890).

7) *Remarques sur la langue russe et sur son alphabet avec des piéces relatives à la connaissance de cette langue publiées et augmentées par Theodore Karjavine, ancien interprete pour le roi à la Martinique, à St.-Pb. 1791 г., въ 8° на 210 нн. стр.* (есть въ Публичной библиотекѣ). Въ этой книгѣ напечатаны 3 сочиненія: 1) *Remarque sur l'alphabet russe*, сочиненіе Ерофея Каржавина, написанное еще во время пребыванія его въ Парижѣ. 2) *Précis historique sur l'introduction des lettres en Russie*, сочиненіе Ѳедора Каржавина. (Введеніе письма Кирилломъ и Меѳодіемъ, начало книгопечатанія и введеніе новаго (гражданскаго) шрифта, краткія замѣтки, и 3) *Mémoire d'observations sur quelques lettres russiennes à rendre exactement en français présentée à l'académie française par le professeur d'histoire et de politique J. L. Barbeau de la Bryère d'Elvar, en Mars 1762, revue et augmenté par l'editeur en 1789.*

8) Новоявленный вѣдунъ, повѣдающій гаданія духовъ; невинное упражненіе во время скуки для людей не хотящихъ лучшимъ заниматься. Спб. 1795, 8°; у Смирдина стр. 432, № 5,519 (безъ имени автора); у Плавильщикова стр. 86, № 985 (имя автора обозначено буквами *Θ. К.*); у Сол. нѣтъ. Подъ объясненіемъ употребленія книги подпись: „Русскій Американецъ“. Книжка составлена также какъ и нынѣ составляются подобные оракулы. Извѣстно, что Александръ Сумароковъ издалъ тоже „Любовную гадательную книжку“ въ томъ же родѣ.

9) Фокусъ-покусъ или собраніе любопытныхъ, рѣдкихъ, удивительныхъ и забавныхъ ручныхъ искусствъ, новое изданіе съ прибавленіемъ многихъ полезныхъ хитростей и рѣдкихъ составовъ. Спб., 1795, въ 12°, книга посвящена Маріѣ Ивановнѣ Архаровой въ благодарность оказываемыхъ родителями ея милостей женѣ автора; у Смирдина стр. 430, № 5,488; у Плавильщикова стр. 89, № 1,022.

Въ предисловіи авторъ поясняетъ цѣль изданія своей книги: она предостерегаетъ юныхъ и неопытныхъ людей отъ удивленія такимъ забавамъ, которыя объясняются проворствомъ рукъ. Здѣсь есть задачи, разрѣшаемыя на основаніи наукъ, которыя входятъ въ планъ ученія дѣвицы Архаровой; въ ней, кромѣ забавнаго, есть и полезное. Въ самой книжкѣ сначала идутъ описаніе фокусовъ, основанныхъ какъ на проворствѣ рукъ, такъ и на законахъ физики, химіи и др. наукъ, но законы большею частью не объяснены. Въ приложеніяхъ задачи въ родѣ слѣд.: Взвѣсить дымъ (возъ сѣна вѣситъ 500 ф., по сгараніи сѣна остается пеплу 50 ф., значитъ дымъ вѣситъ 450 ф.), измѣрить окружность земли, узнать по пальцамъ число дней въ мѣсяцѣ, опредѣлить вѣсъ земли, несгораемая рубашка (разсказъ о горномъ льнѣ) и т. п.

10) Французскіе, русскіе и нѣмецкіе разговоры въ пользу начитателей, съ прибавленіемъ изъ сочиненій Крамера и Геллерта, *Θ. Каржавина*. Спб., 1807, въ 8°. (У Плавильщикова стр. 317, № 3,706; у Смирдина подъ № 5,890, на стр. 463 показано новое изданіе этой книги въ 1818 г.; у Сошкова показаны 1-е изданіе разговоровъ безъ имени автора. Спб., 1784, въ 8°). 2-е изданіе, исправленное *Θ. Каржавинымъ*. Спб. 1791, въ 8°, см. №№ 9,474 и 9,475, ч. 4, стр. 277; въ каталогѣ иноязычныхъ сочиненій о Россіи, находящихся въ Публичной библиотекѣ, показано еще одно изданіе этой книги въ 1816 г.

Кромѣ этихъ соч. и переводовъ, Каржавинъ перевелъ: какой-то романъ, который въ рукописи хранится въ библиотекѣ П. Н. Петрова. *Θ. В. Каржавинъ*, по порученію книгопродавцевъ, просматривалъ также и исправлялъ переводы архитектурныхъ книгъ. Изъ переписки его

съ женой видно, что онъ помогалъ извѣстному Брату въ составленіи карты Балтійскаго моря, указывая правильное письмо собственныхъ именъ русскихъ Москва вмѣсто Moscou, Pskowe вмѣсто Pleskof и т. п., мнѣ неизвѣстно была-ли издана эта карта.

V.

Ерофей Никитичъ Каржавинъ.

Записка, поданная проесоромъ Барбо-де-ла-Брюеръ-д'Ельваръ граву д'Аржансону объ Ерофеевѣ Никитичѣ Каржавинѣ (переводъ съ французскаго).

Графу д'Аржансону, государственному министру и покровителю наукъ. *Russia supplicantes*. Записка о г-нѣ Каржавинѣ, уроженцѣ московскомъ.

Положеніе Франціи, въ виду ожидаемаго союза между дворами нашимъ и русскимъ, оказывается столь благоприятнымъ въ отношеніи русскаго подданнаго Ерофея Каржавина, уроженца московскаго, проживающаго около 10-ти лѣтъ въ Парижѣ, что одному изъ друзей его пришло на мысль представить королю и его министрамъ, что было бы весьма полезно ученому міру (и можетъ быть даже министерству) воспользоваться трудами г-на Каржавина, если его величество, по примѣру своихъ славныхъ предшественниковъ, удостоитъ принять его подъ свое покровительство, пользуясь правомъ возмездія и правомъ обмѣна и поручить это дѣло своему посланнику.

Его величество можетъ уступить ея царскому величеству одного изъ своихъ подданныхъ, дозволивъ ему ѣхать въ Россію и поселиться тамъ. Многие изъ нашихъ соотечественниковъ были полезны въ Россіи, между ними баронъ Чуди (Tschoudy). Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что было бы весьма полезно воспользоваться этимъ, упрочивъ положеніе г-на Каржавина, на котораго (равно какъ и на брата его, живущаго въ Петербургѣ) смотрятъ въ Россіи какъ на преступниковъ, единственно потому, что Ерофей Каржавинъ, подвигнутый ревностью почерпнуть познанія у источника ихъ, пріѣхалъ 10 лѣтъ тому назадъ во Францію безъ дозволенія своего правительства. Около двухъ лѣтъ тому назадъ братъ его, съ дозволенія русскаго двора, пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ тайно передалъ на попеченіе Ерофея Каржавина 8-ми-лѣтняго сына своего Федора, для того, чтобы дать ему основательное познаніе во всѣхъ наукахъ и научить его французскому языку. Онъ пользовался съ тѣхъ поръ помощію брата, получая отъ него средства къ жизни; 8 мѣсяцевъ тому назадъ онъ лишился этой поддержки.

Ерофей Каржавинъ выѣхалъ изъ Россіи, получивъ дозволеніе тор-

говать въ Польшѣ. Тамъ у него украли всѣ его деньги и книги и онъ былъ бы лишенъ возможности осуществить свои похвальные стремленія, если бы ему не удалось продать все, что у него еще осталось и отправиться черезъ Данцигъ въ Амстердамъ; тамъ онъ встрѣтилъ одного Поляка, который, сжалившись надъ его затруднительнымъ положеніемъ, принялъ его подъ свое покровительство и привезъ во Францію. По пріѣздѣ въ Парижъ Каржавинъ лишился своего спутника и покровителя, но цѣль, къ которой онъ такъ долго стремился, была достигнута. Всевозможныя лишенія и затрудненія, съ которыми онъ столкнулся на первыхъ порахъ, не помѣшали ему исполнить свои задушевные желанія — заняться своимъ образованіемъ. Побуждаемый желаніемъ употребить съ пользою свои дарованія, которыми надѣлила его природа, и которыя онъ развилъ своими научными занятіями въ нашемъ отечествѣ, онъ около года занимался сочиненіемъ, въ которомъ разъясняетъ характерныя особенности русскаго языка и изслѣдуетъ отношенія его къ языку греческому, желая этимъ содѣйствовать обогащенію нашей литературы. Сочиненіе его заслужило похвалу нѣкоторыхъ министровъ и литераторовъ нашихъ, которые нашли его очень интереснымъ и полнымъ любопытныхъ подробностей.

Онъ думаетъ заняться русскими древностями и древнѣйшей исторіей Россіи, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще основательныхъ свѣдѣній, и желаетъ сдѣлать точный переводъ русскихъ лѣтописей, чтобы дать возможность ученымъ сравнить эти источники съ исторіей сосѣднихъ народовъ, какъ азіатскихъ, такъ и европейскихъ и прослѣдить отношеніе западной Европы къ Россіи въ древнѣйшія времена.

При знакомствѣ съ славянскимъ и русскимъ языкомъ, начало котораго уже положено трудами Каржавина (королевская типографія легко можетъ быть снабжена новымъ и изящнымъ русскимъ шрифтомъ, который можно выписать изъ Россіи вмѣстѣ съ лучшими книгами и интереснѣйшими рукописями), — можно будетъ, между прочимъ, разъяснить средневѣковую исторію народовъ, которые, начиная отъ Эльбы и Венеціанскаго залива до предѣловъ нынѣшней Россіи и за ними, были извѣстны подъ именемъ Славянъ. У насъ являются уже предположенія, что русскія ученныя изслѣдованія бросятъ новый свѣтъ на тѣ малыя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о древнѣйшей исторіи Европы, и откроютъ въ Россіи слѣды переселенія народовъ, такъ какъ она, находясь между землями, служившими колыбелью азіатскимъ государствамъ и государствамъ новѣйшимъ, должна была сохранить ихъ. Польза, которую можно извлечь при этомъ, сама по себѣ велика,

но это еще не все. Прекрасный и древний языкъ славянскій или русскій, который былъ вовсе незнакомъ намъ до этихъ поръ, можетъ быть также полезна для болѣе яснаго уразумѣнія священнаго писанія; это мнѣніе поддерживаетъ въ особенности ученый аббатъ Вильфроя, королевскій профессоръ еврейскаго и армянскаго языковъ.

Ерофей Каржавинъ рѣшается остаться во Франціи подъ покровительствомъ его величества, чтобы посвятить себя вполне пользамъ нашей литературы, и той обширной научной области, которая едва обозначена въ предшествовавшемъ слабомъ очеркѣ. Онъ уже пробовалъ образовывать учениковъ, которые собираются около него и онъ пойдетъ далѣе въ своихъ научныхъ трудахъ, если великій монархъ, предъ лицо котораго онъ еще не имѣлъ счастья предстать и видѣть его, но дѣла котораго такъ краснорѣчиво говорятъ о добротѣ душевной, удостоятъ его своимъ вниманіемъ, приметь его съ семейою подъ свою высокую защиту и исходатайствуетъ имъ, передъ ея царскимъ величествомъ, дозволеніе остаться во Франціи на правахъ обмѣна, переводчикомъ его съ русскаго языка.

Г-нъ Каржавинъ слишкомъ глубоко сознаетъ насколько онъ обязанъ Франціи и Россіи, чтобы онъ могъ когда либо забыть, что одной изъ нихъ онъ обязанъ жизнію, другой—своими познаніями, которыя онъ думаетъ усовершенствовать. Составитель настоящей записки, не побуждаемый къ составленію ея ниѣмъ и ничѣмъ кромѣ научной и общественной пользы, чуждый всякаго личнаго интереса въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ возможность настолько узнать Ерофея Каржавина въ теченіе 4 или 5 лѣтъ, что беретъ на себя смѣлость ручаться въ томъ, что сердцу его будутъ всегда близки слава и согласіе двухъ націй, которыя соединены кровнымъ союзомъ въ лицѣ нашихъ королей, начиная съ Генриха I-го, внука Гюга-Капета и Анны, княжны русской его супруги, внуки Владимира, перваго христіанскаго великаго князя—правителя русскаго, сопричисленнаго русскою церковью къ числу святыхъ русскихъ и почитаемаго Апостоломъ въ ихъ церкви.

Ерофей Каржавинъ готовъ преклонить колѣна предъ престоломъ императора (?) французскаго вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, который въ теченіе полутора годовыхъ занятій, сдѣлалъ блестящіе успѣхи въ латинской и французской грамматикѣ и въ экспериментальной физикѣ; послѣднею онъ занимался подъ руководствомъ ученаго аббата Нолле, въ то время какъ онъ проходилъ 6-й курсъ въ коллегіи Ляксіе, гдѣ онъ атестовался постоянно первымъ, какъ это удостовѣряется аттестатами его профессора, и гдѣ онъ еще недавно получилъ первую награду за переводъ, т. е. за передачу на французскомъ языкѣ латинскаго текста, и подарокъ, назначенный за вторую по достоинству

тему, или сочиненіе на латинскомъ языкѣ: Этому ребенку 10 лѣтъ 10 мѣсяцевъ.

Кровь Людовика Великаго и духъ Кольберга царятъ еще надъ нами, и потому мы питаемъ надежды, которыя оживотворяли нашихъ предковъ въ прошедшемъ столѣтіи. Жанъ-Людовикъ-Барбо-де-ла Брюеръ д'Ельваръ“.

23-го августа 1756 г.—Парижъ.

Е. Н.

Между бумагами Ерофея Каржавина не сохранились другіе документы, такъ, что мы не могли добиться свѣдѣній о времени его рожденія и смерти.

Въ каталогѣ Плавильщикова указанъ переводъ Ерофея Каржавина:

„Путешествій Гуливеровыхъ 4 части, содержащія въ себѣ путешествіе въ Бродинагу, въ Лапуту, въ Бальнибары, въ Глубдубриду, въ Лугнагу, въ Японію и въ Гуйнгмскую страну, соч. Свифта, съ французскаго перевелъ Е. Каржавинъ. М., 1772—1773 и 1780 въ 8^о, стр. 385, № 4755; у Смирдина на стр. 665, подъ № 9323, показано 2-е изданіе этой книги 1780 г. какъ переводъ съ англійскаго Ерофея Каржавина; у Сопикова ч. 4, стр. 253, №№ 9255 и 9256—указаны два изданія этой книги: первое Спб. 1772—1773, второе М. 1780 какъ переводъ съ французскаго.

Сочиненіе Ерофея Каржавина о русскомъ языкѣ издано его племянникомъ въ Спб. 1791 г. съ другими статьями. См. выше перечень соч. и переводовъ Федора Васильевича Каржавина, № 7.

Н. П. Дуровъ.

